

Развитіе въ греческой политической литературѣ ученія о формахъ государственнаго устройства.

O tempora desiderio et recordatione
dignissima! o dies illos inoffensae serenitatis,
qui nobis veluti e tenebris respiciendi proponuntur!

Orosii hist. II, 11, 8.

Развитіе античнаго государства сопровождалось духовной политической эволюціей, учениями о сущности государственныхъ отношеній. Оказывая непосредственное воздѣйствіе на общественную жизнь и получая отъ нея практическіе импульсы, вырабатывались представленія о формахъ политическаго строя, ихъ относительной и абсолютной цѣнности. Борьба олигархическихъ и демократическихъ партій переходила изъ жизни въ область теоретической мысли и тамъ продолжалась съ такимъ же ожесточеніемъ.¹⁾

Ученія греческихъ мыслителей о государствѣ развивались въ опредѣленной послѣдовательности, которая до настоящаго времени не выяснена въ своихъ основныхъ чертахъ. Объ отдѣльныхъ представителяхъ политическаго мышленія эллиновъ, о Платонѣ, Аристотелѣ, возникла неисчерпаемо громадная литература, но общій ходъ развитія государственныхъ теорій до сихъ поръ еще не получилъ отчетливаго и правильнаго опредѣленія. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи источники недостаточны даже для установленія главныхъ моментовъ эволюціи политической мысли эллиновъ. Во многихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ реконструкціи основныхъ политическихъ идей въ потерянной литературѣ на основаніи косвенныхъ и отрывочныхъ замѣчаній, разбросанныхъ въ различныхъ источникахъ. Этотъ методологическій путь былъ намѣченъ

¹⁾ В. П. Бузескулъ. Исторія аѳинской демократіи. 1909. Стр. 296. W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. I. 1870. S. 109.

Фердинандомъ Дюммлеромъ, который произвелъ опытъ восстановленія демократическихъ ученій о государствѣ эпохи Перикла, и олигархическихъ—въ послѣдній періодъ Пелопоннесской войны ¹⁾.

Сознательнаго отношенія къ политической жизни, умѣнія опредѣлять смыслъ и цѣнность государственныхъ формъ греческая мысль достигла въ концѣ VII и въ началѣ VI вв. до Р. Хр. Первые слѣды политическихъ опредѣленій и понятій встрѣчаются у лирическихъ поэтовъ этого времени. «Греческая лирика VII и начала VI в. носить чисто политическій характеръ, и лирическія произведенія для этой эпохи были тѣмъ же, что для нашего времени произведенія публицистическія и памфлеты» ²⁾. Ожесточенная борьба аристократіи съ демократическимъ движеніемъ, прерываемая періодами тиранніи, находила горячій откликъ у лирическихъ поэтовъ, часто непосредственныхъ участниковъ общественныхъ событій своей современности, и они стали первыми выразителями греческаго политическаго самосознанія. Архилохъ далъ достаточно ясное опредѣленіе тиранніи; Ѳеогнидъ выработалъ первое политическое вѣроисповѣданіе олигархіи; Солонъ уже говорилъ о народовластіи. ³⁾

Въ теченіе продолжительнаго дальнѣйшаго періода мы не знаемъ ничего о греческихъ политическихъ идеяхъ. Только Геродотъ и Эврипидъ бросаютъ новые лучи свѣта. Въ живомъ изложеніи бесѣды знатныхъ персовъ послѣ низверженія владычества маговъ Геродотъ опредѣляетъ свое собственное пониманіе политическихъ отношеній. Безиристрастно и объективно онъ отмѣчаетъ положительныя и отрицательныя черты каждой формы правленія. Монархія имѣетъ за собой рѣшительное преимущество, какъ лучшая организація военныхъ силъ государства, какъ централизація народныхъ силъ для вѣншей борьбы, но личный суверенитетъ влечетъ за собой угнетеніе и обезсиленіе общества. Опасеніе за свою власть заставляетъ монарха подозрительно относиться къ каждому сильному волей и мыслью человѣку; произволъ и насилія—неизбѣжное слѣдствіе единовластія ⁴⁾.

¹⁾ *F. Dümmler*. Kleine Schriften. I. 1901. SS. 150ff. II. 1901. SS. 417ff.

²⁾ *В. И. Бузескулъ*. Исторія аѳинской демократіи. 1909. Стр. 19.

³⁾ *R. Schöll*. Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. 1890. S. 8.

⁴⁾ Herod. hist. III. c. 80.

Олигархическій строй правленія означаетъ собою привлеченіе къ государственной дѣятельности всего лучшаго, что есть въ народѣ, но люди не умѣютъ справедливо дѣлить между собою власть. Каждый хочетъ своего собственнаго преобладанія на счетъ свободы другихъ, каждый, считая себя лучшимъ, можетъ рѣшиться возстаніемъ и кровью добиться единовластія. Олигархія неизбежно приводитъ къ тиранніи ¹⁾.

Демократическая идея воплощается у Геродота въ горломъ и прекрасномъ имени «исономіи», равенства всѣхъ передъ закономъ. Отвѣтственность выборнаго правительства и право всего гражданства рѣшать общественныя дѣла обеспечиваетъ силу и справедливость государственныхъ актовъ ²⁾. Противники демократіи возражаютъ противъ нея основнымъ доводомъ, уже выставленнымъ въ опроверженіе аристократическаго принципа: эгоизмъ и жажда власти выдвигаютъ людей, хотящихъ и умѣющихъ добиться единовластія. Демократія тѣмъ болѣе плоха, что худшіе люди вторгаются въ обсужденіе государственныхъ дѣлъ, нарушаютъ ихъ правильное теченіе своимъ невѣжественнымъ своеволіемъ ³⁾.

Геродотъ — выразитель идеаловъ и міросозерцанія старшаго, «мараѳонскаго» поколѣнія аѳинской демократіи пятаго вѣка. Онъ былъ исповѣдникомъ національнаго воодушевленія въ защитѣ греческимъ народомъ своей свободы противъ персидской монархіи. Это обстоятельство въ связи съ памятью о недавней тиранніи привело Геродота къ противопоставленію главнымъ образомъ народовластія и единовластія. Онъ даже находилъ возможнымъ приписать Геродоту своеобразную идею синтеза этихъ государственныхъ формъ, идею демократической монархіи ⁴⁾.

Сопоставленіе тиранніи и демократіи, какъ основныхъ государственныхъ формъ, еще болѣе отчетливо выступаетъ въ трагедіяхъ Эврипида, которыя имѣютъ для насъ значеніе поэтическаго отображенія идей потерянной и неизвѣстной намъ политической литературы этого времени. Тезей и оиванскій вѣстникъ въ «Проситель-

¹⁾ Herod. hist. III. c. 82.

²⁾ Herod. hist. III. c. 80.

³⁾ Herod. hist. III. c. 81.

⁴⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. II. 1875. S. 145. «Wahlmonarchie des Talents und Verdienstes...»

нидахъ» спорять о демократіи и монархіи, причеъ Эврипидъ, стоящій преимущественно на сторонѣ умѣренной демократіи. господства въ государствѣ средняго класса, позволяетъ имъ развернуть отрицательныя стороны монархіи, вырождающейся въ тиранию, и демократіи, склонной стать охлократіей ¹⁾. Самъ Эврипидъ не заинтересованъ въ побѣдѣ одного изъ двухъ мнѣній. Отдѣльныя формы государственнаго устройства имѣють для него относительную цѣнность,—поскольку ими достигается высшій идеалъ политической справедливости.

Трудно сказать, какъ обширна и богата идеями была политическая литература, которая изъ жизни и борьбы партійныхъ мнѣній проникла въ поэтическое творчество ²⁾. Достаточно установить основное положеніе, что въ этотъ періодъ главной проблемой государственныхъ ученій было выясненіе отношеній между демократіей и единовластіемъ. Немного спустя самозащита демократіи Аѳинъ противъ персидской монархіи и притязаній античныхъ легитимистовъ-пизистратидовъ потеряла свою политическую остроту, такъ какъ была заслонена другимъ, внутреннимъ политическимъ столкновеніемъ,—олигархіи и демократіи, во всей Греціи и внутри каждаго государства въ отдѣльности.

Пелопоннесская война была временемъ лихорадочнаго, страдальческаго возбужденія греческаго общества, временемъ культурнаго и государственнаго расцвѣта Аѳинъ, но расцвѣта нездороваго, сопровождавшагося идейными и нравственными эксцессами. Демократія и олигархія стали въ Атикѣ другъ противъ друга, какъ два разныхъ міра, противоположныхъ во всемъ; народъ и аристократы создали враждебныя міросозерпанія, построенныя на взаимно-исключающихъ принципахъ.

Въ это время много писали и говорили о несовмѣстности и непримиримости политическихъ основъ олигархіи и демократіи, но до насъ дошелъ только совершенно незначительный отрывокъ возникшей тогда партійно-полемиической литературы. Памфлетъ неизвѣстнаго олигарха, случайно сохранившійся въ сочиненіяхъ Ксенофонта, одновременно очень субъективенъ, и отражаетъ идеи своего

¹⁾ Euripid. Hiketid. V. 400 ssqu.

²⁾ F. Duemmler. Prolegomena zu Platons Staat. S. 161. (Kleine Schriften. I. 1901).²

времени настолько ясно, что изъ него можно извлечь почти все необходимое для пониманія направленій политической мысли этого времени ¹⁾. Здѣсь заключается гениальная критика современной автору демократіи. Неизвѣстный олигархъ главное свое вниманіе обратилъ на противорѣчіе идейныхъ принциповъ олигархіи и демократіи. Народовластіе построено на удовлетвореніи потребностей демоса ²⁾. Соціальная полезность и государственное могущество, достигаемое какими угодно средствами,—его главныя основы. Этому олигархія противопоставляетъ утвержденіе абсолютной цѣнности политическаго благоролства, нравственнаго и культурнаго совершенства ³⁾. Демократія вполне удовлетворяетъ утилитарному государственному принципу, необходимости сильной власти, цѣлямъ обогащенія и соціального усиленія народа. Олигархія выдвигаетъ иной лозунгъ: «благозаконіе». Она требуетъ политическаго строя, основаннаго на строгой правовой законности и полномъ осуществленіи нравственныхъ правъ и обязанностей личности.

Олигархъ доказываетъ полное соотвѣтствіе демократіи съ интересами народа: афинская демократія — совершенство народовластія; ни измѣнить, ни реформировать ея нельзя. Или принять или уничтожить. ⁴⁾ Если это было основной общей идеей тогдашей политической литературы, ⁵⁾ то, слѣдовательно, въ началѣ Пелопоннесской войны право данного государственнаго строя на существованіе опредѣляли его соотвѣтствіемъ матеріальнымъ интересамъ не всего общества, а одного только господствующаго класса. Побѣдители безжалостны къ побѣжденнымъ, имѣютъ право властвовать во имя собственнаго эгоизма и откровеннаго насилія. Демократы, по мысли

¹⁾ Новое превосходное изданіе псевдоксенофоновой политіи, выполненное Казинкой, является прекраснымъ филологическимъ изслѣдованіемъ этого памятника политической литературы, но историко-литературное введеніе къ тексту, нѣмецкому переводу и комментарию даетъ очень условное и сомнительное опредѣленіе Политіи. Казинка считаетъ ее образцомъ софистическаго искусства защиты „общепризнанныхъ безсмыслицъ“. Въ виду этого совершенно неисторическаго пониманія старья изслѣдованія, въ особенности Рошера, Кирхгофа, Ю. Шварца и А. Шварца, сохраняютъ все свое значеніе.

²⁾ 11, 19—20 (Ed. „Xenophontis scripta minora“ recognovit Dindorfius. Fasc. II. 1898).

³⁾ 1, 5.

⁴⁾ 1, 2; 1, 13.

⁵⁾ Schöll. Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. 1890. S. 19.

Олигарха, правы, истребляя своихъ враговъ и вводя въ управленіе государствомъ «подлыхъ» людей, но совершенно такъ же справедливо поступать олигархія, низвергнувъ, разрушивъ до основанія демократію, растоптавъ державный демось, властвуя надъ нимъ, угнетая, какъ теперь онъ самъ расправляется со своими врагами.¹⁾

Вырабатывая эти идеи, олигархія шла тѣми же путями политической мысли, что и демократы. Уже Перикль²⁾ и еще откровеннѣе Клеонъ³⁾ право силы превозгласили единственнымъ правомъ демократическаго владычества.

Развиваться дальше въ томъ же направленіи политическое мышленіе не могло; дальше начинается борьба враждующихъ силъ, лишенная всякаго правового и этического оправданія⁴⁾.

Для ученія о государственныхъ формахъ псевдоксенофонтова политія имѣла то значеніе, что здѣсь впервые демократія и олигархія объяснены въ ихъ социальномъ значеніи, какъ организациі государственнаго господства «подлыхъ» или «достойныхъ» людей. Политическое устройство получаетъ здѣсь первое реально-историческое объясненіе. Съ этихъ поръ греческія ученія о государствѣ становятся изслѣдованіями объ отношеніяхъ между демократіей и олигархіей въ предѣлахъ государства-города⁵⁾.

Дальнѣйшее развитіе въ политической литературѣ идей о государствѣ не столько можно понять изъ непосредственныхъ указаний источниковъ, сколько угадать на основаніи косвенныхъ данныхъ. Борьба демократіи и олигархій, особенной ожесточенности достигшая къ 411 году, сопровождалась попытками государственныхъ преобразованій и вызвала къ жизни новыя идеи и новыя ученія. Рѣшающимъ моментомъ здѣсь явилось то обстоятельство, что демократія оказалась не такой могущественной и устойчивой, какъ она казалась своимъ защитникамъ и противникамъ. Однажды низвергнутая,

¹⁾ I, 9; III, 10—11.

²⁾ Thucyd. hist. II, 63, 2.

³⁾ Thucyd. hist. III, 37.

⁴⁾ Aristot. polit. 1310a. (Ed. Otto Immisch. 1909). „Καὶ τῷ δῆμῳ κακόνους ἐσομαὶ καὶ βούλειω ὅτι ἂν ἔχω κακόν“.

⁵⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. II. 1875. S. 150 считаетъ основнымъ по важности моментомъ противоположную особенность развитія ученій о государствѣ послѣ Геродота и Фукидида; ихъ своеобразие онъ опредѣляетъ, какъ „Abfall vom wirklichen Staat“.

она не могла возвратиться къ господству на старыхъ основаніяхъ, какъ и ея врагамъ нельзя было ограничиться старыми возраженіями противъ нея.

Права силы оказалось недостаточно для демократіи, чтобы сохранить свое господство, а для олигархіи—чтобы удержать захваченную власть. Опыты теоретическаго оправданія и обоснованія двухъ враждебныхъ государственныхъ принциповъ стали содержаніемъ обширной политической литературы этого времени.

Богатый матеріалъ для пониманія политическихъ идей періода между 411 и 403 гг. сосредоточенъ у Фукидида. Самъ онъ, хотя и былъ глубокимъ и внимательнымъ изслѣдователемъ современныхъ ему и прошлыхъ общественныхъ отношеній, Эллады, не внесъ ничего новаго въ ученіе о государственныхъ формахъ. Преобладаніе историческаго чувства надъ теоретическимъ не оставляло въ его изложеніи мѣста для отвлеченныхъ построеній, но онъ далъ политическимъ теоріямъ необходимую фактическую основу, которой не было раньше. Критическая эпоха греческой исторіи получила у него въ совершенствѣ выполненное истолкованіе своихъ идейныхъ и матеріальныхъ движущихъ силъ. Опираясь на Фукидида, греческіе мыслители IV-го вѣка могли держаться исторической основы, понимать свое государство не черезъ призму субъективныхъ построеній, а въ полномъ вѣѣ фактовъ.

Какъ отражались политическія идеи конца пятого вѣка въ потерянныхъ для насъ партійныхъ литературныхъ произведеніяхъ и памфлетахъ, объ этомъ мы можемъ получить достаточныя указанія изъ «Аѳинской политіи» Аристотеля. Въ общемъ количествѣ источниковъ, использованныхъ Аристотелемъ для этого обзора исторіи и устройства аѳинскаго государства, партійныя политическія произведенія, во множествѣ появившіяся въ концѣ Пелопоннесской войны, занимають едва-ли не главное мѣсто.¹⁾ Не только объясненіе ряда фактовъ взялъ отсюда Аристотель, но и политическія оцѣнки государственныхъ дѣятелей²⁾. Совершенно немислимо, конечно, надѣяться вполне выдѣлить изъ состава «Аѳинской политіи» ея доку-

¹⁾ Arist. Ath. pol. c. XXVIII. Здѣсь Аристотель отчетливо показываетъ, что источникомъ его сужденій о Тераменѣ и Никіи были политическіе партійные трактаты.

²⁾ Wilamowitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen. I. 1893. S. 121.

ментальные, историческіе и партійно-политическіе источники. Все это настолько крѣпко спаяно вмѣстѣ критическимъ гениемъ Аристотеля, что уже не можетъ быть достаточно отчетливо разложено на составныя части.

Послѣдніе годы Пелопоннесской войны сопровождались рядомъ явленій, которыя могущественнымъ образомъ содѣйствовали усиленной продуктивности политическаго мышленія. Демократія въ Аѳинахъ, а затѣмъ во всемъ греческомъ мірѣ, была поколеблена въ своихъ основахъ ужасной сицилійской катастрофой, неудачами войны со Спартой и усилившейся олигархической реакціей, настолько значительной, что увѣнчавшійся успѣхомъ планъ войны противъ Аѳинъ, выработанный Лизандромъ, былъ основанъ на систематической поддержкѣ олигархическихъ гетерій и заговоровъ. Въ 411 году олигархамъ удалось низвергнуть демократію, но ихъ замыслы не получили въ данный моментъ полного осуществленія. Эти событія дали сильный толчекъ развитію политическаго мышленія. Возникла обширная политическая литература памфлетовъ, проектовъ новаго государственнаго устройства, опытовъ теоретическаго и практическаго оправданія и отрицанія демократіи и олигархіи. Все это литературное богатство потеряно почти до послѣдняго слова. Однако, сами событія этого страшнаго для демократіи года помогаютъ понять то, чего не досказали источники.

Народное собраніе, подчиняясь захватившимъ власть олигархамъ, приняло предложеніе Писидора объ учрежденіи комиссіи 30, которая должна была выработать проектъ новаго государственнаго строя. Ея задача заключалась въ изученіи древнихъ законовъ, нарушенныхъ или уничтоженныхъ крайней демократіей, и въ разсмотрѣніи проектовъ новыхъ основныхъ законовъ. Каждый желающій получалъ право не только вносить собственныя письменныя предложенія, но даже заявлять лично свои мнѣнія о готовящемся преобразованіи государственнаго строя. Нужно отдать олигархамъ справедливость, что они, если, быть можетъ, не фактически, то въ своихъ постановленіяхъ стремились предоставить общественному мнѣнію полную и неограниченную свободу сужденія о реформѣ.

Въ необычайно возбужденной политической атмосферѣ это должно было вызвать дѣятельный обмѣнъ мыслей и сужденій. От-

сюда возникла богатая политическая литература, которая оставила громадное наследство четвертому вѣку, воспринятое и переработанное въ гениальныхъ теоретическихъ построенияхъ Платона и Аристотеля.

Основная идея сторонниковъ олигархіи выясняется слѣдующимъ образомъ. Олигархическій строй могъ утвердиться только путемъ полного уничтоженія демократіи. Это было политической необходимостью, засвидѣтельствованной авторомъ псевдоксенофоновой политіи. Новое правительство должно было найти свое оправданіе въ какихъ-либо вполне убѣдительныхъ фактахъ, утвердиться на реальныхъ, а не отвлеченныхъ соображеніяхъ. Нельзя было править народомъ способами откровеннаго насилія, нельзя было склонить его на свою сторону, разрушивъ до основанія существующія учрежденія и замѣнивъ ихъ новыми, еще не имѣвшими практической жизненной провѣрки. Олигархи, которые всѣ въ большей или меньшей степени были сторонниками спартанскаго государственнаго строя, покоившагося на незыблемо твердыхъ основаніяхъ древняго Ликургова законодательства, тѣмъ большее значеніе придавали древности и устойчивости государственнаго строя, что враждебная имъ демократія воплощала въ себѣ духъ стремленія къ новому, готовности каждый данный моментъ отвергать волей народа старое и создавать новыя неустойчивыя учрежденія.¹⁾ Въ этомъ и заключался главный доводъ олигарховъ: демократія замѣнила законъ произволомъ народныхъ постановленій; она, въ ея современной крайней формѣ, представляетъ новшество, искаженіе стараго испытаннаго строя, существовавшаго до Перикла. Надо не создавать новое, а возстановить старое, вполне совпадающее, кромѣ того, съ замысломъ олигархическаго преобразованія аѳинскаго государства. Нѣтъ лучшаго

¹⁾ Thucyd. hist. I. 18, 1—2 даетъ классическое доказательство зависимости силы и могущества государственнаго строя отъ древности и устойчивости его существованія. Bury-A history of Greece, 1900. p. 581. По мнѣнію Дюммера, (*Duemmler*. Kleine Schriften. II. 1901. S. 423) уже въ это время ученіе объ „отеческомъ строѣ“, созданномъ нѣкогда Солономъ, было извѣстнымъ и общепризнаннымъ мнѣніемъ, раздѣляемомъ даже олигархами. Однако, 29-ая глава „Аѳинской политіи“ Аристотеля свидѣтельствуетъ о томъ, что идея „отеческаго строя“ возникла въ 411 году, причемъ его защитниками и сторонниками были только олигархи, которые не были еще вполне увѣрены, кого слѣдуетъ считать его основателемъ, Драконта, Солона или Клизеена.

доказательства годности и выполнимости идеала, какъ утверждение, что однажды въ прошломъ онъ уже существовалъ! ¹⁾

Вслѣдствіе этого лозунгомъ олигарховъ стала «*πάτριος πολιτεία*». Реальное содержаніе «отеческаго строя» каждый представлялъ себѣ по своему. Чтобы достигнуть объективной убѣдительности, стали изучать прошлое, начались дѣятельныя изысканія въ области государственныхъ древностей, имѣвшія цѣлью выяснитъ, какъ управлялись Аѣины въ старину, до Перикла, до начала владычества «корабельной черни», въ эпоху, ознаменованную героическими событіями Мидійскихъ войнъ. Однако, архивная работа комиссіи 30 не могла достигнуть вполне досговѣрныхъ результатовъ. Дѣло въ томъ, что въ античномъ мірѣ не было обычая закрѣплять оффиціальными хартіями основныя государственныя законы, не было, вообще, писанныхъ конституцій ²⁾. Государственныя установленія дѣйствовали, какъ реальная сила, какъ правила, установленныя и опредѣляемыя политической практикой. Они развивались органически, а смѣняясь другими, выходя изъ практикки, забывались, если ихъ не заносилъ въ свою лѣтопись историкъ.

Если я не ошибаюсь, среди всего документальнаго матеріала, среди всѣхъ надписей, оставленныхъ намъ античнымъ міромъ, есть только одно эпиграфическое свидѣтельство, одно постановленіе, дающее непосредственное истолкованіе основъ государственныхъ учрежденій: разъясненіе аѣинскимъ народнымъ собраніемъ правъ и обязанностей совѣта 120 въ Эриотрахъ въ Іоніи (455 — 450 до Р. X.) ³⁾

Олигархи нашли только уголовное и гражданское законодательство Драконта и Солона, давъ, такимъ образомъ, теоретикамъ и

¹⁾ *Arnim*. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. S. 24.

²⁾ Этотъ фактъ выясненъ и обоснованъ въ статьѣ *B. Niese*. Über Aristoteles' Geschichte der Athenischen Verfassung. (Historische Zeitschrift N. F. 33. (69). 1892). Ср. *Wilamowitz-Moellendorf*. Staat und Gesellschaft der Griechen. S. 59. (Die Kultur der Gegenwart. II. IV. 1910).

³⁾ *Dittenderger*. Sylloge² № 8. Собственно говоря, это не конституція, а разъясненіе способа выбора членовъ совѣта, ихъ обязанностей и приносимой ими клятвы. Содержаніе клятвы бросаетъ свѣтъ на происхожденіе этого конституціоннаго закона. Члены совѣта обязуются хранить вѣрность демократическимъ установленіямъ своего государства, Аѣинъ и всего морскаго союза греческихъ общинъ. Вѣроятно, между совѣтомъ и народнымъ собраніемъ въ Эриотрахъ возникли политическія разногласія, вызвавшія необходимость разъясненія аѣинскимъ народнымъ собраніемъ обязанностей совѣта и приведенія его къ покорности передъ демократической партіей.

практикамъ права слѣдующаго вѣка богатый и широко использованный ими юридическій матеріалъ ¹⁾.

Не найдя въ прошломъ фактической основы для политическихъ нововведеній, олигархи прибѣгли къ другому способу оправданія своихъ революціонныхъ замысловъ: умышленно или по добросовѣстному заблужденію они создали историко-политическую легенду о «πάτριος πολιτεία», вложивъ въ это понятіе содержаніе своихъ новаторскихъ конституціонныхъ идей и освятивъ проектъ новыхъ государственныхъ учреждений древнимъ именемъ Драконта ²⁾.

Что движеніе политическихъ идей олигарховъ шло именно такимъ путемъ, видно изъ сравненія XXXI-ой главы «Афинской политіи» Аристотеля съ IV-ой. Текстъ законодательнаго постановленія олигарховъ о вводимомъ ими правительственномъ строѣ начинается словами: власть принадлежитъ совѣту 400, согласно отеческимъ законамъ. ³⁾ Здѣсь прямо, такъ сказать, дѣлается ссылка на четвертую главу, гдѣ излагается предполагаемая конституція Драконта и, въ частности, сказано: власть принадлежитъ совѣту 401 ⁴⁾. Въ настоящее время едва-ли есть необходимость доказывать, что конституція Драконта никогда не существовало, что легенда о ней возникла, какъ практическое приложеніе олигархической теоріи о лучшей формѣ государственнаго устройства.

Что касается политическихъ идей демократіи этого времени, то онѣ вырабатывались тѣмъ же путемъ, въ той же послѣдовательности политической логики, но ихъ выясненіе гораздо труднѣй. ⁵⁾ Олигархическихъ публицистовъ мы знаемъ; есть указанія на пар-

¹⁾ Не позже, чѣмъ черезъ два года послѣ сверженія правительства 400, возстановленная демократія ввела въ дѣйствіе уголовное законодательство Драконта. (Dareste & с. Inscript. jur. gr. II. 1. № 21). Гораздо большее значеніе для практики имѣла реценція гражданскаго свода законовъ эпохи Солона. Ораторы IV-го вѣка часто ссылаются на нихъ, какъ на высшую и самую авторитетную правовую инстанцію. Во время втораго олигархическаго переворота въ Афинахъ эти законы уже дѣйствовали и были отчасти устранены временнымъ правительствомъ, но опять возстановлены демократіей. Aristot. Ath. pol. с. XXXV, 2.

²⁾ Превосходное историко-литературное изслѣдованіе политическихъ идей этого времени далъ Duemmler. Kleine Schriften, II. 1901. „Die «Αθηναίων πολιτεία» des Kritias“. Въ особенности, S. 434. ff.

³⁾ Aristot. Ath. pol. с. XXX, 1. «βουλευεῖν μὲν τετρακισίους κατὰ τὰ πατρία».

⁴⁾ Aristot. Ath. pol. с. IV, 3. «βουλευεῖν δὲ τετρακισίους καὶ ἓνα».

⁵⁾ Duemmler. Kleine Schriften, II. 1901. SS. 431—433.

тійно-полемическія произведенія наиболѣ замѣчательныхъ олигархическихъ политиковъ, Ъразимаха и Критія; о Стесимбротѣ извѣстно, что онъ писалъ о демагогахъ пятаго вѣка. Недавно найдены новые фрагменты «Апологіи» Антифона ¹⁾. Что же касается демократическихъ памфлетистовъ, то относительно нихъ возможны только неопредѣленные предположенія ²⁾. Извѣстны лишь позднѣйшіе защитники демократіи, уже изъ IV-го вѣка. Въ частности, относительно Исократы Виламовицъ-Меллендорффъ высказалъ предположеніе, что значительная часть его «Панегирика» была написана въ опроверженіе олигарха іонійца, который въ 404 году издалъ памфлетъ противъ аѳинской имперіи и въ защиту спартанцевъ ³⁾.

Демократія, вскорѣ послѣ переворота возвратившая себѣ правительственную власть, восторжествовала не только открытой силой, но и теоретической защитой принципа народовластія. Олигархическому ученію объ «отеческомъ строѣ» демократы противопоставили собственную аналогичную идею. Въ связи съ идеями политическихъ противниковъ, естественно, надо было доказать, во-первыхъ, что олигархи заблуждаются, считая народовластіе нововведеніемъ, выяснить, что издревле народъ былъ полновластнымъ хозяиномъ въ аѳинскомъ государствѣ; во-вторыхъ, — отвергнуть заявленіе аристократовъ, что они возстановляли «отеческій строй». Этимъ обстоятельствомъ демократы были вовлечены въ необходимость создать свое собственное ученіе о «*πάτριος πολιτεία*», установленной нѣкогда мудрымъ и великимъ законодателемъ ⁴⁾. Политическая психологія древности не выносила безличности государственныхъ учреждений. Кромѣ Драконта, не было болѣе популярнаго имени, чѣмъ имя Солона. Ему и приписали демократы установленіе въ Атикѣ народовластія.

До этого времени Солонъ выступаетъ въ источникахъ исключительно, какъ одинъ изъ семи мудрецовъ. Такъ рассказываетъ о немъ Геродотъ. Для Ѳукидида Солонъ вообще не существуетъ: онъ

¹⁾ *Nikole*. L'apologie d'Antiphon, ou λόγος περί μεταστάσεως. Geneva-Bâle—1907.

²⁾ „Was das für Leute waren, darüber sind nur unsichere Vermuthungen möglich“. Duemmler-Kleine Schriften, II. 1901. S. 434.

³⁾ *J. Bury*. The ancient Greek historians. 1909. P. 180 ssq.

⁴⁾ „Такъ выросли изъ политической полемики начала историко-государственного изслѣдованія, которое никогда не было въ состояніи не было въ состояніи вполне позабыть это свое происхожденіе“. *Beloch*. Griechische Geschichte. II 1614. S. 285.

совершенно не называетъ этого имени. Первые свѣдѣнія о Солонѣ, на которыя можно сколько-нибудь полагаться при изученіи его общественныхъ и законодательныхъ реформъ, мы находимъ у Аристотеля, который питалъ глубокое сочувствіе къ Солону, какъ создателю умеренной демократіи, основанной на преобладаніи въ государствѣ среднихъ классовъ населенія ¹⁾. До этого времени встрѣчаются или ссылки на гражданское законодательство Солона или же совершенно неопредѣленное представленіе о томъ, что онъ былъ первымъ создателемъ афинской демократіи ²⁾. Наиболѣе часто это представленіе у ораторовъ.

По мысли Исократъ, демократія восходитъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ; она была установлена еще Тезеемъ ³⁾, но истиннымъ ея создателемъ надо считать Солона: онъ утвердилъ ее на послѣдовательномъ и систематически выработанномъ законодательствѣ, временно уничтоженномъ тираннами и восстановленномъ Клисеномъ ⁴⁾. Лисій считаетъ Солона первымъ демократическимъ законодателемъ, ставя его въ ряду великихъ демагоговъ—Θεμιστοκλα и Перикла ⁵⁾.

Эсхинъ называетъ Солона древнѣйшимъ законодателемъ и благодѣтелемъ Аѳинъ, построившимъ впервые демократію на основѣ совершеннѣйшихъ законовъ ⁶⁾.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все увеличивается значеніе, приписываемое Солону въ афинской исторіи ⁷⁾. Наконецъ, Трогъ Помпей называетъ его не столько основателемъ демократическаго строя или

¹⁾ Aristot. polit. 1273 b.

²⁾ Gilliard. Quelques réformes de Solon. 1907, p. 57. Моя задача не соприкасается въ данномъ случаѣ съ вопросами критики фактической достовѣрности. Позднее возникновеніе сообщеній о введеніи Солономъ политической конституціи и первыя упоминанія о ней въ произведеніяхъ политичѣскихъ, имѣющихъ цѣлью доказательство не исторической, а партійной правды, вызываютъ рядъ сомнѣній, высказанныхъ различными учеными и разлочно обоснованныхъ. B. Niese.—Historische Zeitschrift, N. F. 33. (69). 1892. S. 60. Beloch-Griechische Geschichte B. I. 1 Abteilung. 1912. S. 365. проф. Виннеръ—Лекціи по исторіи Греціи, I. стр. 90 сл. Эти скептическія сужденія подлежатъ разсмотрѣнію и критикѣ въ другой связи; здѣсь достаточно установленія формальнаго факта: Солонъ не былъ создателемъ перваго вообще государственнаго и притомъ демократическаго строя.

³⁾ Isocrat. Elene, 215 b.

⁴⁾ Isocrat. Areopagitikos, 143a.

⁵⁾ Lysiae orat. XXX, 28.

⁶⁾ Aeschinis orat. I, 32 (6), III, 565, (175), III, 647, (257).

⁷⁾ Wilamovitz-Moellendorff. Aristoteles und Athen. 1893. I. SS. 39ff.

даже государства, сколько устроителемъ перваго гражданскаго общества въ Атикѣ. До него не было ни законовъ, ни соціальнаго благоустройства. Избираютъ Солонъ и онъ создаетъ первые законы, организующіе первый общественный строй ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ концѣ Пелопоннесской войны афинская политическая литература преимущественно сосредоточилась на историко-политическомъ обоснованіи двухъ партійныхъ идеаловъ государственнаго строя. Возникло два противоположныхъ представленія о первоначальномъ, «отеческомъ» строѣ афинскаго государства, который будто бы является основнымъ на всемъ протяженіи его политическаго развитія. Олигархи доказывали, что государственное развитіе Афинъ исходитъ изъ олигархіи, установленной Драконтѣмъ. Это ученіе о „*πάτριος πολιτεία*“ исповѣдывалось умѣренными олигархами. Радикальные враги демократіи стремились къ ея полному уничтоженію, основываясь не на правовыхъ идеяхъ, а на открытой, кровавой борьбѣ на жизнь и смерть. Во время второй олигархической реакціи олигархи вновь поставили лозунгомъ своихъ стремленій возстановленіе «отеческаго строя» ²⁾.

Демократическіе памфлетисты отвѣчали, что исконнымъ политическимъ строемъ является демократія, существовавшая столько же времени, сколько само афинское государство, и впервые построенная на основахъ систематическаго законодательства великимъ Солономъ. Трудно сказать, былъ-ли у позднѣйшихъ историковъ какой-либо другой матеріалъ для изображенія политической реформы Солонъ, кромѣ демократической партійной литературы ³⁾.

Фукидидъ оставилъ живое изображеніе обстоятельствъ, при которыхъ возникло демократическое ученіе объ «отеческомъ строѣ». Когда совершился олигархическій переворотъ 411 года, большинство сторонниковъ демократіи находились въ войскѣ съ флотомъ у Самоса. Солдаты узнали, что въ Афинахъ олигархи намѣрены возстановить «отеческій строй» и поэтому лишаютъ ихъ права участвовать въ народномъ собраніи и занимать правительственныя

¹⁾ Just. hist. II, 7.

²⁾ Aristot. Ath. pol. XXXIV, 3. XXXV, 2.

³⁾ Aristot. Ath. pol. VI, 2—3. указываетъ, что при изложеніи фактовъ государственныхъ реформъ Солонъ онъ пользовался демократической литературой, предпочитая выраженія здѣсь мифія клеветническимъ утвержденіямъ олигарховъ.

должности. Они отвѣтили, что олигархи не возстановили, а разрушили «отеческій строй» и что они намѣрены вести войну съ правительствомъ 400, чтобы возстановить издревле существовавшія въ Аѳинахъ основы демократическаго государства ¹⁾).

Они побѣдили и доставили торжество легендѣ о демократическомъ законодательствѣ Солона. Она стала общепризнанной теоріей историческаго происхожденія демократіи. Олигархическая версія «отеческаго строя» была скоро забыта, такъ какъ не нашла продолжительнаго практическаго воплощенія въ политической жизни. Этимъ объясняется, что память о ней сохранилась только въ немногочисленныхъ и незначительныхъ упоминаніяхъ. Аристотель въ «Аѳинской политіи» объединилъ обѣ легенды, расположивъ ихъ въ исторической послѣдовательности и сгладивъ не вполне удачно партійно-полемицескіе слѣды ихъ возникновенія.

Такъ какъ конституція Драконта не имѣетъ своего историческаго мѣста, то она не могла не производить впечатлѣнія чего-то извнѣ привнесеннаго, добавочнаго въ Политіи Аристотеля. Это интерполяція, конечно, но не въ текстѣ «Аѳинской политіи», а въ исторіи Аѳинъ... Вопреки давно высказанному и утвердившемуся мнѣнію, конституція Драконта если внесена въ Политію, то на основаніи послѣдовательной и умной редакціонной переработки всего ея текста; Аристотель плохо использовалъ бы свои источники, если бы рассказалъ только о Солонѣ ²⁾). Для исторіи этого законодателя онъ имѣлъ больше источниковъ, но не въ томъ, что касается политическихъ преобразованій. У него была политическая лирика самого Солона, сводъ его гражданскихъ законовъ и партійная литература олигарховъ и демократовъ конца V-го вѣка. Насколько мы знаемъ первые два источника и можемъ судить о нихъ, тамъ нѣтъ никакихъ подтвержденій политической реформы. О Солонѣ Аристотель зналъ не изъ иныхъ источниковъ, чѣмъ о Драконтѣ.

¹⁾ Thuc. hist. VIII, 76, 6.

²⁾ В. Бузескулъ. Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ... 1895. Стр. 309. U. Wilcken. Zur Drakontischen Verfassung. (Apophoreton) 1903. SS. 85, 92 ff. Очень важное значеніе, мнѣ кажется, имѣетъ то мѣсто Политики Аристотеля, гдѣ онъ называетъ строй Солона «отеческимъ», такъ какъ этотъ терминъ—знамя партійной государственной легенды конца V-го вѣка. Aristot. polit. 1273 b. «δημοκρατίαν καταστήσαι τῶν πόλεων».

Соотвѣтственно этому такія сообщенія имѣютъ большую литературную, чѣмъ историческую, цѣнность.

Политическія ученія олигарховъ этого времени развивались, кромѣ того, въ сторону идеализаціи спартанскаго государственнаго строя, что оказало значительное вліяніе на развитіе ученій о политическихъ формахъ въ IV вѣкѣ. Идеи «лаконистовъ» были теоретическимъ и нравственнымъ оправданіемъ теорій объ «отеческомъ строѣ» Драконта. Восхищеніе передъ твердостью и могуществомъ лакедемонскаго государства было однимъ изъ дѣятельныхъ мотивовъ, побудившихъ олигарховъ искать въ прошломъ аѳинской исторіи законодателя, подобнаго Ликургу ¹⁾.

Лаконисты въ большинствѣ вышли изъ реакціонной философской школы Сократа, который самостоятельнаго ученія о государствѣ не далъ, но содѣйствовалъ его развитію одной чрезвычайно важной этической идеей: въ основу практической политики должна быть положена политика теоретическая. Руководясь этимъ принципомъ, олигархи требовали отъ государственныхъ дѣятелей полного и яснаго теоретическаго самосознанія. Только тотъ можетъ считаться настоящимъ государственнымъ дѣятелемъ, кто руководится политической наукой ²⁾. Научную политику Сократъ противопоставилъ демократическому невѣжеству ³⁾. Только черезъ посредство философскаго ученія Сократа стали вообще возможны государственныя теоріи, и онѣ были разработаны отчасти самимъ Сократомъ, отчасти его учениками въ идеалистическомъ реакціонно-олигархическомъ направленіи ⁴⁾. Всѣ выдающіеся олигархи вышли изъ его школы ⁵⁾. Эсхинъ имѣлъ всѣ основанія сказать, обращаясь къ аѳинскому народу: «вы казнили софиста Сократа за то, что онъ, какъ вамъ казалось, воспиталъ Критія, одного изъ тридцати, уничтожившихъ народовластіе» ⁶⁾.

¹⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. I. 1870. S. 233.

²⁾ Plat. Gorg. 521 D—E. Коркуновъ. Исторія философіи права. 1898. Стр. 22. 16.

³⁾ А. Гуляровъ. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. I. 1891. Стр. 85 сл.

⁴⁾ W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles I. 1870. S. 106.

⁵⁾ Arnim. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. S. 26.

⁶⁾ Aeschin. orat. c. Timarch. 173. Гомперцъ. Греческіе мыслители. II. СПб. 1913 стр. 71.

Въ атмосферѣ этихъ идей и споровъ развился и опредѣлился геній Платона. Впечатлѣнія юношескихъ лѣтъ, проведенныхъ въ обстановкѣ ожесточенной борьбы олигархіи и демократіи, страстного воодушевленія общества противоположными политическими идеалами, оставили на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе въ его умѣ ¹⁾.

Въ исторіи греческой политической мысли Платонъ занимаетъ совершенно исключительное по значенію мѣсто. Это своеобразный и вполне индивидуальный геній, которому трудно удержаться въ общемъ потокѣ государственныхъ теорій: какъ ни тѣсно онъ связанъ съ ихъ развитіемъ, онъ постоянно выходитъ изъ намѣченныхъ ими границъ мысли творческой самобытной силой своего ума.

Этический интересъ рѣшительно преобладаетъ у Платона надъ политическимъ, а философское построеніе основано на идеалистической метафизикѣ, касающейся дѣйствительности лишь настолько, чтобы немедленно преобразовать ее въ отвлеченныя схемы. Платонъ—первый создатель философско-этической теоріи общества и государства. Политическое ученіе о государственныхъ формахъ усвоено имъ на основаніи олигархической, преимущественно, литературы конца пятого вѣка и развито дальше такъ, что сталъ возможенъ переходъ отъ нея къ теоріи Аристотеля, уже вполне почти свободной отъ партійнаго пристрастія, опредѣлявшаго раньше государственныя античныя идеи ²⁾.

Хотя Платонъ не обладалъ даромъ научнаго безпристрастія и писалъ, чтобы осуждать или оправдывать, но онъ долженъ быть отнесенъ къ числу теоретиковъ, подобныхъ софистамъ или Сократу.

1) *Schwarcz*. Die Demokratie. I. 1884. S. 65 ff. *R. v. Pöhlmann*. Geschichte der sozialen Frage und des Socialismus in der antiken Welt. I². 1912. S. 120.

2) Периодъ господства въ греческой литературѣ двухъ ученій объ „отеческомъ строѣ“ представляетъ собой самостоятельную эпоху, рѣзкой гранью отдѣленную отъ прошлаго и отдѣляющую отъ него мыслителей IV-го вѣка. Необходимо отмѣтить, что отношеніе Платона и Аристотеля къ предшествующему развитію политической литературы опредѣляется обычно такъ, что устанавливается почти непосредственная связь между ними и идеями Геродота и Эврипида. Такимъ образомъ, изъ цѣпи идейнаго развитія вырвано большое звено. На самомъ же дѣлѣ, и критика дѣйствительности, и утопія и опредѣленіе государственныхъ формъ у мыслителей IV-го вѣка выросло изъ олигархической и демократической литературы 411—403 гг. *Daemmler-Prolegomena zu Platons Staat*, S. 171. (Kleine Schriften. I. 1901). *Проф. В. Бузескуль*. Исторія афинской демократіи. 1909. Стр. 298—299, 425. *Rehm*. Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. 1896. S. 14 ff.

Эти мыслители, и съ ними Платонъ, оказывали вліяніе на общественную жизнь, отражали въ своихъ теоріяхъ ея противорѣчія, но въ цѣломъ и общемъ стояли въ сторонѣ отъ нея, какъ спокойные, восторженные или негодующіе, но всегда только созерцатели ея движенія. Платону приходилось неоднократно высказываться о формахъ государственнаго устройства, опредѣлять ихъ историческую и метафизическую цѣнность, но его идеи въ этой области лишены послѣдовательности, а тѣмъ болѣе законченности, больше обоснованы на идеалистической индивидуальной психологіи, чѣмъ на фактахъ политическаго развитія.

Самое полное и систематическое построеніе формъ государственнаго устройства дано въ діалогѣ «Государственный дѣятель». Платонъ отмѣчаетъ противоположность идеальныхъ и исторически данныхъ государствъ, относя къ первымъ неограниченную и правовую монархію. Условныя, качественно ограниченныя политическія устройства распределяются въ слѣдующей послѣдовательности ихъ цѣнности: монархія, аристократія, политія, охлократія, олигархія, тираннія¹⁾. Ученіе Платона здѣсь имѣетъ пока, если можно такъ выразиться, эвристическій характеръ: онъ подбираетъ государственныя формы, какъ онъ ихъ находитъ въ исторіи, въ легендахъ и въ философскихъ теоріяхъ; отъ современной ему демократіи онъ нисходитъ до золотого вѣка на землѣ, до царства Кроноса.

Въ началѣ восьмой книги своей «Политіи» Платонъ даетъ другую систему формъ государственнаго устройства, отличающуюся большей сжатостью и метафизической обоснованностью. Онъ указываетъ только четыре формы политическаго строя, ограничиваясь греческими общинами и исключая изъ разсмотрѣнія варварскія государства и утопіи народной и философской легенды. Тимократію Крита и Лакедемона онъ разсматриваетъ не въ реальномъ обликѣ ихъ дѣйствительнаго существованія, а въ идеальномъ представленіи о нихъ, созданномъ врагами аѳинской демократіи²⁾. Тираннію онъ считаетъ не государственнымъ строемъ, а болѣзненнымъ состояніемъ общества, уродливымъ исключеніемъ³⁾. Единственными исторически данными формами

1) Plat. politikos, 276 c, 301 c, 303 a. *Duemmler*. Das hellenische Königtum. S. 308. (Kleine Schriften. II. 1901). Коркуновъ. Исторія философіи права. 1898. Стр. 29.

2) *Е. Трубецкой*. Соціальная утопія Платона. (В. Ф. и П. 1908 (II). Стр. 161 сл.

3) Plat. politeia, VIII, 544 c, «ἐσχάτων πόλεως νόσημα».

остаются олигархія и демократія. Поскольку Платонъ разсматриваетъ государство въ его земномъ и реальномъ существованіи, онъ имѣетъ дѣло только съ этими двумя противоположными, по одинаково почти плохими, по его мнѣнію, государственными формами.

Изученіе существующихъ формъ олигархіи и демократіи и критика ихъ съ точки зрѣнія политическихъ и этическихъ принциповъ лежитъ въ основѣ ученія Платона о государствѣ. Попытки присвоить ему законченное ученіе о всѣхъ земныхъ и идеальныхъ государствахъ и универсальной эволюціи политическихъ формъ основаны на введеніи въ систему Платона гораздо позже возникшихъ идей и теорій. Генкель утверждалъ, что у Платона есть полная историко-психологическая теорія развитія и трансформации государственныхъ отношеній. Однако, послѣдовательное выясненіе этой предполагаемой теоріи изъ текста діалоговъ Платона приводитъ къ ряду внутреннихъ противорѣчій¹⁾. Распредѣляя государства по ихъ абсолютной цѣнности, Платонъ на первомъ мѣстѣ ставитъ тимократію, дальше олигархію, затѣмъ демократію и на послѣднемъ—тираннію. Если предположить, что этотъ порядокъ онъ считалъ историческимъ, то получается странная своего рода пессимистическая теорія историческаго регресса, перехода отъ первобытнаго счастья ко все болѣе и болѣе плохимъ формамъ общественнаго быта, причемъ на границѣ полного разрушенія совершается внезапный переходъ въ міръ соціальной утопіи²⁾.

На самомъ дѣлѣ, у Платона былъ совершенно иной теоретическій замыселъ³⁾. Все въ природѣ и обществѣ рождается, проявляется мощностъ молодыхъ силъ и неизбежно идетъ къ старости, вырожденію и смерти. Представимъ же отвлеченно аристократическое государство, общество „желѣзныхъ людей“, какъ его изображаетъ Гезіодъ, гдѣ господствуютъ чувства чести, гордости, нравственная и физическая сила. Отъ сильныхъ отцовъ рождаются слабыя дѣти,

¹⁾ *H. Henkel. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. S. 57.*

²⁾ Совершенно нѣтъ никакихъ основаній думать, что Платонъ предполагалъ въ началѣ государственной эволюціи лучшія формы политическаго устройства. Единственное мѣсто, которое можно правести въ пользу этого мнѣнія (*Politikos 269 c*), говорить о мнѣйшемъ золотомъ вѣкѣ на землѣ, доисторическомъ и не имѣющемъ къ государственной теоріи никакого прямого отношенія. *E. Zeller. Die Philosophie der Griechen. II, 4. 1889. SS. 892—893.*

³⁾ *Arnim. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. S. 32.*

жадные къ золоту, богатствамъ и наслажденіемъ. Этимъ дано психологическое опредѣленіе государства олигархическаго, гдѣ власть — не отъ личной силы, а отъ богатства. Олигархія сильна угнетеніемъ бѣдныхъ. Народъ, возставая противъ невыносимаго гнета жадныхъ и слабыхъ властителей, образуетъ государство въ государствѣ, бунтующую демократію въ нѣдрахъ олигархическаго общественнаго строя ¹⁾. Слѣдовательно, олигархія и демократія — не исторически преемственныя формы общества, а воплощеніе его социальныхъ противоположностей даннаго момента.

Иногда бѣднымъ удается совершить революцію. Они убиваютъ однихъ, изгоняютъ другихъ, грабятъ всѣхъ, а захваченную власть дѣлятъ между собою поровну, по жребію. Демократія, оттѣспившая отъ власти олигарховъ, осуществляясь во всей своей полнотѣ, воцаряется въ хаосѣ насилій, беззаконія, однимъ словомъ, обнаруживаетъ въ себѣ всѣ черты тиранніи. Каждый демократъ скрываетъ въ себѣ тиранна, демократическій образъ мышленія совпадаетъ съ тиранническимъ. Каждый старается захватить власть только для себя, а если ему удастся, — это заслуженное наказаніе для остальныхъ.

Историческая это или социальнопсихологическая, т. е. «соціологическая» форма теоретической конструкціи государственныхъ отношеній? ²⁾ Человѣкъ, по ученію Платона, тождественъ съ государствомъ, но это не имѣетъ значенія «органическаго» принципа, какъ думалъ Спенсеръ, считая Платона предшественникомъ своей соціологіи, и лишь выражаетъ общее греческимъ мыслителямъ представленіе, что государственный строй покоится не на учрежденіяхъ, а на живой основѣ гражданства: греческая община — «государство-гражданство» ³⁾.

Поэтому пяти основнымъ человѣческимъ характерамъ, царственному ⁴⁾, тимократическому, олигархическому, демократическому и

¹⁾ Plat. politeia, VIII, 551 d. „ὁὗ ἀνάγκη εἶναι τὴν τοιαύτην πόλιν, τὴν μὲν πενήτων, τὴν δὲ πλουσίων“.

²⁾ H. Raeder. Platons philosophische Entwicklung. 1905. S. 185. Д-ръ Г. Еллинекъ-Общее ученіе о государствѣ. СПБ. 1903. Стр. 82.

³⁾ Развитие и обоснованіе этой мысли предложено въ статьѣ А. Покровскаго. Къ вопросу объ основномъ характерѣ древнеэллинскаго государства. 1905.

⁴⁾ Въ дѣйствительности, Платонъ очень мало считается съ царскимъ принципомъ, не находя ему мѣста въ своихъ схемахъ; поэтому политическое воплощеніе царственнаго человѣческаго характера отнесено въ область скорѣе идеальныхъ, чѣмъ исторически возможныхъ построеній. Plat. politikos, 303 b.

тиранническому, соответствует пять формъ государственнаго устройства, въ зависимости отъ того, какого типа люди владѣютъ правительственной властью. Когда стоящая у власти аристократія знатности и богатства слишкомъ рѣзко проявить черты олигархическаго характера и въ ней затемнятся ея тимократическія свойства, тогда демократія организуется, какъ революціонная сила, которая, побѣждая, властвуетъ тираннически или прямо переходитъ въ деспотическое единовластіе. Въ основѣ ученія Платона о государствѣ лежитъ наглядное представленіе общества, объединяющаго въ себѣ два враждебныхъ народа — олигархію и демократію.

Въ «Законахъ» Платонъ развилъ свою теорію въ другомъ направленіи. Онъ исторически и пространственно расширилъ объектъ своихъ наблюдений, изобразилъ общество не только въ современныхъ ему очертаніяхъ греческаго государства. Теперь Платонъ считается съ варварскимъ государственнымъ строемъ и беретъ факты изъ далекаго прошлаго общественнаго развитія. Третья книга «Законовъ» заключаетъ въ себѣ очеркъ представленій Платона о естественной эволюціи человѣческаго общества. Первобытное человечество, немногіе люди, уцѣлѣвшіе послѣ древнихъ міровыхъ катастрофъ, живутъ въ полудикомъ состояніи, разрозненные, бѣдные, надѣленные условными добродѣтелями человѣка, еще не упившагося ядомъ культурной утонченности. Первые люди управляются обычаемъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, во главѣ ихъ стоятъ старѣйшины отдѣльныхъ родовъ, и ихъ примитивный государственный строй можно назвать «династіей» ¹⁾. Это понятіе не находить у Платона болѣе близкаго опредѣленія, но оно поясняется Аристотелемъ, который общественныя начала человечества возводитъ къ тѣмъ же самымъ историческимъ истокамъ.

«Династія» — это власть старѣйшины, главы семьи, въ первобытныхъ общественныхъ соединеніяхъ людей ²⁾. Культурное человѣческое общество начинается, когда разрозненныя селенія объединяются въ городъ-общину и образуютъ государство. Синокизмъ территориальный совпадаетъ съ политическимъ. Старѣйшины вмѣстѣ обсуждаютъ дѣла общины, дѣлятъ между собой правительственныя

¹⁾ Plat. leges, III, 680 b.

²⁾ Aristot. polit. 1252 b.

и административныя функціи своей власти. Этотъ первый государственный строй имѣеть, такимъ образомъ, въ опредѣленіи Платона вполне аристократическій характеръ ¹⁾.

Отсюда Платонъ переходитъ въ область древнѣйшей греческой исторіи, къ Троянской войнѣ и основанію дорическаго государственнаго союза ²⁾. Въ основѣ политическаго строя этой эпохи Платонъ предполагаетъ царскую власть. Цари Аргоса, Мессеніи и Лакедемона поровну раздѣлили военныя силы и править на основахъ союзнаго договора ³⁾.

До этого момента у насъ имѣется послѣдовательность трехъ государственныхъ формъ: первобытной «династіи», аристократической общины и федеративнаго монархическаго союза. Здѣсь нить историческаго изслѣдованія прерывается. Возвращаясь значительно позже къ историческимъ реальнымъ государствамъ, Платонъ, какъ два основныхъ политическихъ типа, противопоставляетъ монархію и демократію. Существуютъ только эти двѣ основныя и абсолютныя формы государственныхъ отношеній. Полной законченности и историческаго совершенства демократія достигла въ Аѣинахъ. Монархическое единовластіе полнѣ всего выработалось въ Персіи ⁴⁾. Однако, по общей мысли Платона, каждое государство оказывается негоднымъ какъ разъ въ томъ случаѣ, когда оно во всей полнотѣ воплощаетъ присущій ему своеобразный принципъ. Худшее народовластіе то, которое наиболѣе демократично. Самая плохая монархія—неограниченное самодержавіе. Въ Аѣинахъ нѣтъ иного закона, кромѣ произвола разнузданной черни; въ Персіи—народъ совершенно не существуетъ, какъ политическая величина, какъ общество, а между тѣмъ, свобода независимой гражданской общины является необходимымъ условіемъ существованія благоустроеннаго государства; но это имѣеть политическую цѣнность только при условіи наличности могущественной центральной власти. Аѣины и Персія обладаютъ необходимыми элемен-

¹⁾ Plato, leges, III, 681 d.

²⁾ Henkel. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. SS. 72—73. высказываетъ мнѣніе, что между аристократіей и монархіей Платонъ вводитъ въ свою историческую схему демократію. Это лишено всякаго обоснованія въ текстѣ Платона. Если вѣрить Генкелю, то эта историческая послѣдовательность государственныхъ формъ заключается въ слѣдующемъ: монархія, аристократія, демократія, монархія.

³⁾ Plato, leges, III, 683 d.

⁴⁾ Plato, leges, III, 693 d-e.

тами благоустроеннаго государства, но въ односторонней и преувеличенной формѣ. Политической задачей государственной реформы является объединеніе монархическихъ и демократическихъ элементовъ въ правительственномъ строѣ¹⁾. Этому отчасти удовлетворяють дорическія государства.

Такимъ образомъ, послѣдовательно упрощая свою схему формъ государственнаго устройства, Платонъ пришелъ къ заключительному выводу: «есть два политическихъ строя, отъ которыхъ, какъ отъ родителей, произошли всѣ другіе; и одинъ изъ нихъ монархія, а другой — демократія».

Аристотель, его непосредственный преемникъ, развилъ дальше въ томъ же направленіи выработавшіеся принципы разграниченія формъ государственнаго устройства. Какъ Платонъ подвелъ итоги политическимъ идеямъ литературы пятаго вѣка, такъ Аристотель завершилъ въ своей «Политикѣ» развитіе греческаго государственнаго мышленія четвертаго вѣка. Новое приобрѣтеніе Аристотеля заключается только въ томъ, что онъ выработалъ болѣе полную и систематическую схему политическихъ опредѣленій, оставаясь въ общемъ на достигнутомъ Платономъ уровнѣ теоретическихъ воззрѣній.

Предпосылкой пониманія Аристотеля должно быть устраненіе одного недоразумѣнія въ пониманіи его теоріи. Для него число гражданъ, стоящихъ во главѣ правительственныхъ учреждений, количественный принципъ, является случайнымъ и второстепеннымъ признакомъ, совершенно непригоднымъ для теоретически точнаго опредѣленія государственныхъ формъ. Это обстоятельство не всегда принималось въ расчетъ, и отсюда возникали невозможныя искаженія основной мысли Аристотеля. Дарестъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «можно допустить, (какъ думаетъ Аристотель), что государственная власть принадлежитъ или одному человѣку, или небольшому числу гражданъ или большому ихъ количеству. Отсюда — три рода правительственнаго строя, которые называются монархіей, аристократіей и государственнымъ строемъ въ собственномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, «политіей»²⁾.

¹⁾ Plato, leges, III, 701 e.

²⁾ Rodolphe Dareste. La science du droit en Grèce. 1893. P. 239. Zeller. Die Philosophie der Griechen. II³, 2. 1879. SS. 709, 711 страннымъ образомъ соединяетъ въ своемъ пониманіи Аристотеля это толкованіе и правильное воззрѣніе.

Такое изложеніе взглядовъ Аристотеля, которое можно считать общепринятымъ, во всѣхъ отношеніяхъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ всему, что думалъ и на чемъ рѣшительно настаивалъ Аристотель. Его мысль выражена въ самой простой и отчетливой формѣ, не нуждающейся ни въ какомъ насильственномъ толкованіи. «Тотъ признакъ, что верховная власть находится въ рукахъ большинства или меньшинства, есть признакъ случайный при опредѣленіи и демократіи и олигархіи». Настоящимъ признакомъ ихъ различія служить богатство и бѣдность; поэтому, гдѣ власть основана на богатствѣ, владѣтъ имъ большинство или меньшинство, безразлично, мы имѣемъ дѣло съ олигархіей, а гдѣ правятъ неимущіе—тамъ передъ нами демократія» ¹⁾.

Самымъ непосредственнымъ выводомъ отсюда является утвержденіе существованія только двухъ основныхъ формъ государственнаго устройства: правленія бѣдныхъ—демократіи, власти богатыхъ—олигархіи.

Къ этимъ основнымъ формамъ и сводятся у Аристотеля всѣ остальные опредѣленія. Аристократія, въ его представленіи, или лучшая историческая форма олигархіи или отвлеченная идея правленія лучшихъ и благороднѣйшихъ, предполагающая невозможный въ исторической жизни идеализмъ со стороны правящихъ, въ смыслѣ мудраго самоограниченія, и со стороны управляемыхъ, которые сознательно отрекаются отъ власти въ пользу лучшихъ гражданъ. «Политія», какъ государственный строй, покоящійся на политическомъ и социальномъ преобладаніи среднихъ классовъ населенія, нисколько не отличается отъ умѣренной демократіи, какъ она, по исторической традиціи, была выработана Солономъ, который поэтому особенно близокъ и дорогъ Аристотелю.

Что же касается царскаго единовластія, то есть разница между теоретическимъ и практическимъ пониманіемъ его у Аристотеля ²⁾. Теоретически, какъ и у Платона, единовластіе является необходимой

¹⁾ Aristot. polit. 1280 a. «Современные истолкователи политики Аристотеля обыкновенно совершенно не обращаютъ вниманія на дважды повторенное Аристотелемъ признаніе невозможности опредѣлять демократію, какъ правленіе большинства, олигархію—какъ правленіе меньшинства». Коркуновъ-Исторія философіи права 1898г. Стр. 54.

²⁾ Deummler. Das hellenische Königtum. (Kleine Schriften. II. 1901) S. 316.

отвлеченной противоположностью народовластія, но въ греческой исторіи Аристотель отрицаетъ существованіе и даже самую возможность монархической государственности ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, путемъ историко-правового анализа Аристотель находитъ пять формъ царскаго единовластія ²⁾. Двѣ главныя изъ нихъ не имѣютъ никакого отношенія къ Греціи. Аристотель выясняетъ особенности персидской монархіи, прекрасно организованной системы самодержавныхъ правительственныхъ учреждений, построенной на основахъ строгаго средоточія въ личности царя политической власти въ соединеніи съ административной децентрализацией ³⁾. Кроме того, Аристотель зналъ еще царскую власть у дикихъ народовъ, гдѣ государь управлялъ подданными, какъ полновластный хозяинъ своимъ домомъ, семьей, слугами и рабами. Такой патріархальный деспотизмъ не является системой государственнаго управленія, и Аристотель не вводитъ его въ свою классификацію. Что же касается Греціи, то здѣсь монархія никогда не была большимъ, чѣмъ административной должностью, пожизненной магистратурой. Здѣсь царь былъ судьей, военнымъ предводителемъ, верховнымъ жрецомъ въ героическую эпоху, высшимъ стратегомъ въ Лакедемонѣ, выборнымъ тиранномъ-айсимнетомъ древняго времени ⁴⁾. Вслѣдствіе этого греческая монархія исключена Аристотелемъ изъ числа политическихъ формъ и отнесена къ административнымъ учрежденіямъ ⁵⁾.

Въ виду того, что монархія бываетъ или «деспотической» или административной, но не «политической», Аристотель приходитъ къ тому, что двумя основными формами государственнаго устройства признаетъ только олигархію и демокрію ⁶⁾. Мы опять возвращаемся къ двой-

¹⁾ Aristot. polit. 1284 a.

²⁾ Newman. The Politics of Aristotle. I. 1887. P. 269.

³⁾ Согласно общеэллиническому представленію, государственный суверенитетъ возможенъ только тамъ, гдѣ онъ принадлежитъ всему правомочному гражданству. Гдѣ нѣтъ гражданства, нѣтъ государства, есть только деспотическое правленіе одного — свободнаго надъ всѣми — рабами. Aristot. polit. 1275 a. Въ античныхъ комментаріяхъ къ рѣчамъ Эсхина это мнѣніе выражено въ очень отчетливой формѣ: «Эсхинъ неправильно называетъ единовластіе государственнымъ строемъ; вѣдь, государственный строй представляетъ собой систему законовъ; при единовластіи же нѣтъ законовъ, а только — беззаконіе». Scholia in Aeschin. 4. Müller-Oratores Attici. II. 1858. P. 491.

⁴⁾ R. Nordin. Aisymnetie und Tyrannis. Klio, V. S. 404.

⁵⁾ Aristot. polit. 1286 a.

⁶⁾ Aristot. polit. 1290 a, 1301 b. «*μάιστα δύο γίνονται πολιτεία, ὁῦμος καὶ ὀλιγαρχία*».

ному дѣленію, какъ у Платона. Олигархія и демократія, по мысли Аристотеля, воплощаютъ въ себѣ такія же основныя противоположности государственнаго бытія, какъ полярности въ природѣ, какъ основныя музыкальныя мелодіи, и изъ нихъ сочетанія образуются всѣ реальныя и идеальныя системы политическихъ устройствъ общества ¹⁾.

Аристотель не предполагалъ, чтобы цѣнность государственнаго строя могла опредѣляться его соотвѣтствіемъ условіямъ и потребностямъ даннаго момента общественнаго развитія. Дѣло въ томъ, что онъ разсматривалъ государства не въ исторической перспективѣ, а измѣрялъ ихъ этико-философскимъ принципомъ степени совершенства, степени приближенія къ «политіи», единственному лучшему строю. Это не является общепризнаннымъ фактомъ. Еще до открытія «Аѳинской политіи» высказывалось мнѣніе, что Аристотель былъ первымъ, кто открылъ послѣдовательность и закономерность превращенія государственнаго устройства изъ патріархальной монархіи въ аристократію, соприкасающуюся въ своемъ историческомъ развитіи съ олигархіей, которая черезъ посредство тиранніи, «дѣтской болѣзни» демократіи, переходитъ въ народовластіе. Это какъ будто подтвердилось первыми главами «Аѳинской политіи», гдѣ Аристотель съ геніальной проницательностью объяснилъ, какъ монархія героической эпохи перешла въ новыя правительственныя формы путемъ распредѣленія между высшими должностными лицами ея главныхъ судебныхъ, военныхъ и жреческихъ функцій ²⁾.

Однако, факты, найденные въ результатъ изученія аѳинскаго строя, Аристотель не обобщилъ до степени универсальнаго эволюціоннаго принципа. Ученіе о естественномъ развитіи государства можно найти у Аристотеля только, если искусственно дополнить его идеи позднѣйшими теоретическими приобрѣтеніями греческой политической мысли. Въ «Политикѣ» много вниманія посвящено вопросу, какъ совершается переходъ отъ олигархіи къ демократіи и къ другимъ, промежуточнымъ, формамъ государственнаго устройства. Въ пятой книгѣ своей главной работы Аристотель далъ не столько ученіе о,

¹⁾ Кн. Е. Н. Трубецкой. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи. В. Ф. и П. 1890 (IV). Стр. 23.

²⁾ Проф. В. Бузескула. Ж. М. Н. П. 1905, октябрь. Часть CCCLXI. Стр. 411.

закономѣрности государственнаго развитія, сколько историческую теорію революцій. По его представленію, одинъ строй переходитъ въ другой исключительно катастрофически. Происходить революціи, совершается паденіе власти, ея разрушеніе, замѣна новой, но ни эволюціи, ни какой бы то ни было естественной послѣдовательности въ этомъ не замѣчается ¹⁾.

Ставя вопросъ о созданіи условій, которыя защитили бы государство отъ болѣзненныхъ революціонныхъ кризисовъ, Аристотель отвѣтилъ на него изысканіемъ политическихъ способовъ обезпеченія его мирнаго существованія, но не развитія. Спокойствіе общества зависитъ отъ такой системы организаціи государственной власти, которая дала бы ей силу, устойчивость, неподвижность, историческое упорство сопротивленія разрушительнымъ революціоннымъ опытамъ, отъ кого бы ни исходили они, отъ честолюбивой личности, мятежной аристократіи или голодной черни. Государство существуетъ или какъ система однажды навсегда опредѣлившихся учреждений, или оно постоянно колеблется борьбой демократическихъ и олигархическихъ партій.

Это правда, что греческое политическое мышленіе, до Аристотеля включительно, имѣло объектомъ своего изученія только государство-городъ, но надо прибавить, что этотъ строй рассматривался въ его современномъ состояніи, безъ отношенія къ условіямъ его происхожденія и возможностямъ перехода къ новымъ общественнымъ образованіямъ, расширяющимъ узкіе предѣлы замкнутой автономной гражданской общины.

Политическая литература конца пятого и четвертаго вв. богато разработала проблемы олигархическаго и демократическаго строя, дала матеріаль и руководящія идеи Платону и Аристотелю, которые и признали демократію и олигархію основными политическими формами и въ исторіи и отчасти въ догматикѣ государственнаго права.

Если бы греческая исторія закончилась въ четвертомъ вѣкѣ, то Аристотеля можно было бы признать послѣднимъ греческимъ политическимъ мыслителемъ, а гражданскую общину — послѣднимъ продуктомъ эллинскаго государственнаго творчества. Эти положенія

¹⁾ *Newman. The Politics of Aristotle. I. 1887. P. 530 ff.*

до настоящаго времени не отвергнуты достаточно безусловно Эдуардъ Мейеръ своимъ авторитетомъ поддержалъ мнѣніе, что еще въ первой половинѣ четвертаго вѣка произошло завершеніе греческой исторіи, «*Ausgang der griechischen Geschichte*». До недавняго времени считалось общепризнаннымъ, что государственное творчество эллиновъ не пошло дальше созданія государства-города, а въ связи съ этимъ Аристотеля ставили на послѣднемъ порогѣ политической литературы

Шёлль патетически утверждаетъ: «У могилы греческой свободы возвышается «Политика» Аристотеля, какъ памятникъ политическаго величія его народа. Что онъ могъ еще изобразить въ наглядномъ представленіи, слишкомъ скоро стало предметомъ антикварнаго изученія» ¹⁾. Генкель думаетъ, что политическое міросозерцаніе античности предстоить намъ въ великихъ системахъ Платона и Аристотеля въ завершеномъ и законченномъ видѣ. ²⁾ Проф. Жебелевъ считаетъ «Политику» послѣднимъ произведеніемъ, послѣднимъ памятникомъ греческой политической литературы ³⁾. Въ самой рѣзкой и въ наименѣе поэтому вѣрной формѣ выразилъ господствовавшее воззрѣніе Е. Трубецкой: «Аристотель жилъ среди общества разлагающагося и неизлѣчимо больного, умирающаго. Политическое міросозерцаніе грековъ въ его эпоху уже закончило циклъ своего развитія; оставалось раскрыть, каковы были причины его разложенія и смерти» ⁴⁾.

Но противъ этого воззрѣнія настойчиво и справедливо возстаютъ Арнимъ: «Черезъ посредство Аристотеля политика стала наукой, которая имѣла въ виду, какъ идеальныя стремленія, такъ и потребности практической жизни. Его теоретическое созданіе ни въ коемъ случаѣ не было и не притязало быть заключительнымъ. Многія нити развитія мысли въ сохранившемся текстѣ «Политики» не доведены до конца; нѣкоторыя ея составныя части производятъ

¹⁾ Schöll. Die Anfänge einer politischen Literatur bei den Griechen. 1890 S. 36.

²⁾ Henkel. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. S. 98.

³⁾ С. А. Жебелевъ, Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля. (Приложеніе къ русскому переводу «Политики», 1911) Стр. 382.

⁴⁾ Кн. Е. Н. Трубецкой. Политическіе идеалы Платона и Аристотеля. В.Ф. и П. 1890 (IV). Стр. 29.

впечатлѣніе перваго замысла, предварительнаго наброска, который только намѣчаетъ методы дальнѣйшаго изслѣдованія проблемы».¹⁾

Белохъ поддерживаетъ это мнѣніе фактическими указаніями на то обстоятельство, что эллины третьяго вѣка стояли несравненно выше по уровню своего политическаго развитія, чѣмъ современникиThemistokles и даже Перикла. Политическое мышленіе встрѣтило въ жизни новый принципъ государственнаго устройства — монархическій; оно разработало его теоретически, переработало и отвергло, но, освободившись во второй половинѣ III-го вѣка отъ власти македонской монархіи, эллины не возвратились къ старому «πόλις», а перешли къ новому понятію «το κοινόν»²⁾. Богатая политическая литература эллинистической эпохи не только разрабатывала дальше старыя идеи, но развила рядъ новыхъ понятій и теоретическихъ опредѣленій. Даже когда прекратилось самостоятельное государственное существованіе Греціи и она вошла въ составъ Римской Имперіи, политическая мысль не исчерпалась; она оставила омертвѣвшія формы греческой государственности и обратилась къ изученію новыхъ системъ политическаго суверенитета, къ изслѣдованію римской «политикъ».³⁾

Аристотель казался завершителемъ греческаго мышленія о государствѣ только потому, что его система произвольно дополнялась теоретическими идеями позднѣйшаго времени, ему приписывалось больше, чѣмъ онъ далъ. Въ виду этого, задачей изученія греческой политической мысли является возвращеніе чужихъ идей ихъ собственникамъ, — мыслителямъ третьяго вѣка.

Эллинистическое міросозерцаніе дополнило прежнее двойное дѣленіе формъ государственнаго устройства третимъ основнымъ принципомъ, монархическимъ, который до сихъ поръ имѣлъ случайное и второстепенное значеніе.⁴⁾ Другое важное пріобрѣтеніе заключается въ созданіи ученія о всеобщей и естественно необходимой эволюціи государства.

¹⁾ *Arnim*. Die politischen Theorien des Altertums. 1910. SS. 143—144. *Wilamowitz-Moellendorf*. Aristoteles und Athen. I. 1893. SS. 265 ff. *Еллинскъ*. Общее ученіе о государствѣ. СПб. 1903. Стр. 190.

²⁾ *Beloch*. Griechische Geschichte. III, 1. 1904. S. 553.

³⁾ *Kaerst*. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. II, 1. 1909. S. 201.

⁴⁾ *Eduard Schwartz*. Charakterköpfe aus der Antiken Literatur. 1906. S. 87.

Государственная идея раздвинула узкіе предѣлы гражданской общины, вмѣстила въ себя новыя опредѣленія политическаго суверенитета. Однако, у насъ нѣтъ возможности прослѣдить послѣдовательность возникновенія и развитія этихъ новыхъ идей. Политическая литература эллинистической эпохи дошла до насъ или въ заглавіяхъ трудовъ и въ именахъ авторовъ или въ незначительныхъ фрагментахъ, на которые трудно опираться при выясненіи ея элементарныхъ принциповъ.

Насколько можно судить по отрывочнымъ сообщеніямъ, впервые ввелъ въ греческую политическую литературу обсужденіе монархической идеи Теофрастъ ¹⁾. Для него монархія не была, какъ для Аристотеля, понятіемъ, выходящимъ за предѣлы государственно-правовыхъ опредѣленій. Онъ написалъ не менѣе пяти сочиненій о задачахъ и обязанностяхъ государя, о лучшихъ формахъ организаціи монархической власти въ греческихъ общественныхъ условіяхъ. Не въ меньшей степени, чѣмъ перипатетики, интересовались проблемой царской власти стоики Зенонъ, Клеантъ, Герикулъ и Персей ²⁾, рассматривая ее съ точки зрѣнія своеобразныхъ и для Греціи новыхъ философско-этическихъ идей, которыя разрушили старую нравственность человѣка-гражданина, неограниченно подчиненнаго своей общинѣ, сдѣлали его гражданиномъ вселенной ³⁾. Вся эллинистическая литература опредѣляется этими двумя силами, монархизмомъ и индивидуализмомъ, въ которыхъ растворился старый ограниченный націонализмъ ⁴⁾.

Цѣнность государственнаго строя Платонъ опредѣлялъ качествомъ соединенія въ немъ демократическихъ и монархическихъ учреждений: Аристотель — олигархическихъ и демократическихъ. Ихъ ближайшій преемникъ Дикеархъ далъ новый опытъ политическаго синтеза,

¹⁾ *Dareste*. La science du droit en Grèce. 1893. P. 301 ssqu. Duemmler-Kleine Schriften. II. 1901. S. 463.

²⁾ *Henkel*. Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat. 1872. SS. 19—31.

³⁾ *H. Ritter et L. Preller*. Historia philosophiae Graecae. (Testimonia auctorum). Ed. VIII. Wellmanni. 1898. § 523. *Kaerst*. Geschichte des hellenistischen Zeitalters. II. 1. 1909. S. 95.

⁴⁾ *Ed. Schwartz*. Charakterköpfe aus der antiken Literatur. 1906. S. 73.

заключающійся въ объединеніи трехъ политическихъ идей, монархической, аристократической и демократической ¹⁾).

Результаты этой вѣковой работы политическаго мышленія хорошо извѣстны: ихъ далъ намъ Полибій. Въ цѣломъ рядѣ отрывочныхъ замѣчаній, разбросанныхъ на всемъ протяженіи его громаднаго сочиненія, онъ обсуждаетъ проблемы государственнаго устройства, опираясь на мыслителей перипатетической и стоической школы, а въ шестой книгѣ его возрѣнія изложены въ совершенно отчетливой и законченной формѣ ²⁾).

Относительно государственной теоріи Полибія не установилось до сихъ поръ такого мнѣнія въ ученой литературѣ, которое можно было бы считать общепринятымъ и достаточно опредѣленнымъ. Еще недавно господствовало убѣжденіе, что Полибій самостоятельнаго интереса не представляетъ, такъ какъ онъ повторялъ идеи Платона и Аристотеля, слегка подкрашивая ихъ эллинистической философіей. Генкель считалъ Полибія простымъ подражателемъ ученія Платона. Отъ него онъ заимствовалъ и теорію тройнаго дѣленія государственныхъ формъ и мысль о естественной законмѣрности ихъ историческихъ превращеній ³⁾. Позже Рудольфъ-Скала поддержалъ это сужденіе, но въ болѣе смягченной и ограниченной формѣ. Полибій пользовался Платономъ, но основное влияніе на него оказали стоики и перипатетики ⁴⁾. Со стороны русскаго ученаго А. И. Покровскаго это мнѣніе встрѣтило рѣшительныя возраженія. А. И. Покровский доказалъ, что совершенно нѣтъ основаній устанавливать какую бы то ни было непосредственную зависимость Полибія отъ Платона. Больше того, имъ высказано сомнѣніе, можно-ли вообще утверждать, чтобы Полибій читалъ Платона или Аристотеля ⁵⁾.

Позже, насколько я знаю, предположеніе, что Полибій заимствовалъ свое ученіе у Платона, больше не возникало. Съ другой стороны, нельзя признать Полибія самостоятельнымъ политическимъ мыслителемъ. Отдѣлъ шестой книги, гдѣ онъ излагаетъ теорію есте-

¹⁾ Ritter et Preller. *Historia philosophiae Graecae*. 1898. § 439.

²⁾ R. Laqueur. *Polybius*. 1913. S. 252.

³⁾ Henkel. *Studien zur Geschichte der griechischen Lehre vom Staat*. 1872. SS. 102—103.

⁴⁾ R. v. Scala. *Die Studien des Polybios*. I. 1890. SS. 102—115.

⁵⁾ Ж. М. Н. II. 1891, Часть CCLXXVI. Июль. Стр. 179—180.

ственной эволюціи трехъ основныхъ формъ государства, написать такъ, что здѣсь не чувствуется индивидуальныхъ усилій мысли: изложеніе и тонъ проникнуты догматической убѣжденностью. Полибій скорѣе излагаетъ общепринятые воззрѣнія и взгляды, чѣмъ создаетъ что-нибудь новое. Принципіальное рѣшеніе вопроса о происхожденіи теоріи Полибія было дано современными изслѣдователями въ такой формѣ: онъ заимствовалъ ее у кого-либо изъ политическихъ мыслителей эпохи эллинизма. Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что политико-философское міросозерцаніе Полибія сложилось подъ опредѣляющимъ вліяніемъ стоической школы въ лицѣ того представителя ея, который былъ самымъ чистымъ и многостороннимъ выразителемъ идей Стои,—Панетіа 1). Однако, послѣдній по времени изслѣдователь Полибія Лакѣръ находитъ возможнымъ основное теоретическое воздѣйствіе на него приписать Дикеарху 2), какъ это было высказано уже давно Целлеромъ 3).

По мнѣнію Лакѣра, перипатетиками не ограничиваются источники, изъ которыхъ возникла государственная теорія Полибія; впервые въ исторіи греческаго теоретическаго мышленія случилось, что римлянинъ содѣйствовалъ выработкѣ взглядовъ эллинскаго мыслителя: Сципіонъ, въ кружкѣ котораго вращался Полибій во время своего пребыванія въ Римѣ, внушилъ ему мысль, новую для грековъ, что государства не создаются законодателями, а вырабатываются путемъ естественной эволюціи 4). Едва-ли нужно, по моему убѣжденію, пытаться такъ опредѣленно персонифицировать многообразныя вліянія, какія воспринялъ и переработалъ Полибій. Теоретическія воззрѣнія эллинистическихъ мыслителей выдѣлили путемъ непрерывной интерференціи идей рядъ основныхъ принциповъ, воспринятыхъ и догматически изложенныхъ имъ. Въ отдѣлѣ «Всеобщей исторіи» Полибія, гдѣ онъ изложилъ свою теорію государственной эволюціи, и который является самостоятельнымъ политическимъ этюдомъ, добавленнымъ къ «четвертому изданію» этого труда 5), передъ нами разверты-

1) *Max Bädinger*. Die Universalhistorie im Alterthume. 1895. S. 101.

2) *Laqueur*. Polybios. 1913. SS. 246 ff.

3) *Zeller*. Die Philosophie der Griechen. II³, 2. 1879. S. 893.

4) *Laqueur*. Polybios. 1913. S. 249.

5) *Laqueur*. Polybios. 1913. SS. 233, 243.

вается государственное учение, лучший и самостоятельный продукт общественной философии эллинистической эпохи, новое, завершающее и последнее завоевание греческого политического гения.

Здѣсь его предѣлъ. Здѣсь, у крайняго порога эллинской исторіи, когда право жизни и творческія силы перешли къ новому властителю жизни, греческая мысль дѣлаетъ послѣднее усиліе и создаетъ три послѣднихъ принципа, которыхъ не хватало въ ученияхъ Платона и Аристотеля. Окончательно устанавливается тройное дѣленіе основныхъ формъ государственнаго устройства, опредѣляется природная необходимость и послѣдовательность ихъ превращеній, раздвигаются границы политическихъ понятій, потому что Полибій говорить не о гражданской общинѣ, а вводитъ универсальный, всемірно-историческій принципъ познанія государственнаго бытія.

Своей задачей Полибій ставитъ объяснить естественный переходъ однихъ формъ государственнаго устройства въ другія. Онъ беретъ за исходную точку одинъ изъ моментовъ первобытной исторіи человѣчества, когда міръ поражается стихійными бѣдствіями, разрушающими общество, истребляющими большинство людей. Ничтожные остатки начинаютъ самостоятельный путь культурнаго развитія. Люди, какъ животныя, объединяются вокругъ предводителя, выдѣляющагося физической силой и смѣлостью. Это—первобытное единовластіе, примитивное общественное соединеніе подъ властью сильнаго. Границей власти такого монарха является только степень его собственной личной силы.

Когда культурное развитіе пошло достаточно далеко, монархъ становится правителемъ, сознающимъ факты общественной полезности и блага. Монархическое единовластіе переходитъ въ царскую власть¹⁾. Государь правитъ народомъ черезъ посредство медленно развивающагося правительства; лучшіе представители народа оказываютъ ему содѣйствіе, поддерживаютъ авторитетъ и силу его власти. Качества правителей опредѣляются уже не ихъ физической силой, а нравственными и умственными преимуществами. Это совершается въ незамѣтномъ органическомъ процессѣ, въ зависимости и въ связи съ ростомъ матеріальнаго общественнаго благосостоянія.

¹⁾ Polybii hist. VI, 6, 12.

Съ теченіемъ времени царь, сосредотачивая въ своихъ рукахъ все больше власти и богатства, отдаляется отъ своихъ подданныхъ. Правленіе теряетъ свой патріархальный благожелательный отпечатокъ. Государь личное благо ставитъ выше общественнаго. Жажда богатства и наслажденій увлекаетъ его къ несправедливостямъ и насиліямъ. Царская власть превращается въ тираннію, въ насильственное и беззаконное владычество. Народъ ищетъ себѣ защитниковъ среди лучшихъ представителей общества. Они становятся во главѣ народнаго возмущенія противъ тиранна и, уничтоживъ выродившуюся царскую власть, создаютъ новое, аристократическое правленіе ¹⁾. Долго знать пользуется своимъ преобладаніемъ въ интересахъ всего общества. Аристократы являются мудрыми и твердыми защитниками бѣдныхъ и слабыхъ. Черезъ нѣсколько поколѣній потомки первыхъ освободителей народа начинаютъ смотрѣть на свою власть, какъ на средство удовлетворенія собственнымъ своекорыстнымъ цѣлямъ. Развратъ и жадность смѣняютъ старыя добродѣтели, и аристократія превращается въ жадную олигархію, грабящую народъ и издѣвающуюся надъ нимъ ²⁾.

Насильственное правленіе олигархіи не продолжается долго. Народъ подымаетъ возстаніе, убиваетъ и изгоняетъ насильниковъ, но не возвращается къ царской власти, потому что свѣжа еще память объ эпохѣ тиранніи, а беретъ управленіе государствомъ въ свои собственныя руки. Возникаетъ демократія, свободное и строго законное народовластіе, руководимое правомъ и совѣтами лучшихъ людей. Позже въ средѣ демократическихъ правителей выдѣляются люди съ сильно развитымъ честолюбіемъ и эгоизмомъ. Съ другой стороны, богатые начинаютъ все болѣе угнетать народъ экономически.

Чѣмъ болѣе обостряется социальное неравенство, чѣмъ больше растетъ въ народѣ сознаніе матеріальной угнетенности, тѣмъ въ большей степени вырастаетъ значеніе честолюбивыхъ руководителей народа. Они разжигаютъ народныя страсти и воодушевляютъ чернь социалистическими идеалами. Зависть къ богатству переходитъ въ желаніе совершить великій социальный грабежъ богатыхъ, слѣлать,

¹⁾ Polybii hist. VI, 8, 1.

²⁾ Polybii hist. VI, 8, 5.

свою жизнь счастливой на ихъ счетъ ¹⁾. Демократія, проникаясь социалистическими идеями, теряетъ почву закона и права, замѣняетъ ихъ насиліемъ и грабительствомъ. Чернь объединяется подъ руководствомъ своихъ вождей, убиваетъ богатыхъ, дѣлитъ ихъ имущество, производитъ уравнильное перераспредѣленіе земли, повергаетъ общество въ анархію ²⁾.

Въ этомъ состояніи первобытной дикости и разнузданности страстей общество не можетъ оставаться долго. Прежде чѣмъ социализмъ повергнетъ государство въ пропасть послѣдняго разрушенія, появляется смиритель одичавшаго человѣчества, и на самомъ краю бездны желѣзной рукой схватываетъ его, насиліемъ смиряетъ ожесточеніе социальной борьбы и утверждаетъ спасительное единовластіе ³⁾.

Съ этого момента эволюціонный кругъ общественнаго развитія начинается снова. Нетрудно замѣтить, что новый циклъ развитія не повторяетъ въ точности уже пройденнаго культурнаго пути. Новое единовластіе совсѣмъ непохоже на первобытную монархію; сходное въ нихъ—только принципъ власти, покоящейся на личной силѣ и смѣлости. Новый циклъ становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, вторымъ большимъ періодомъ развитія всемірной исторіи.

Представляя себѣ ученіе Полибія въ этомъ теоретическомъ образѣ, мы еще не достигли пониманія его основного своеобразія. Остается большое идейное противорѣчіе. Вѣдь, если законъ смѣны государственныхъ формъ, какъ онъ изложенъ Полибіемъ и истолкованъ мною, общезначимъ и неограниченно универсаленъ, то римскій правительственный строй, смѣшанный, объединяющій въ себѣ царскіе, аристократическіе и демократическіе принципы, нарушаетъ этотъ законъ послѣдовательности. Въ немъ въ одной государственной системѣ дано то, что составляетъ содержаніе длительного историческаго процесса.

Не волей законодателя, а въ длительномъ естественномъ развитіи возникъ этотъ строй; какъ же его примирить съ этимъ зако-

¹⁾ Polybii hist. XV, 21, 7; VI, 9, 8.

²⁾ Pöhlmann. Geschichte der socialen Frage und des Socialismus in der antiken Welt. I². 1912. S. 418.

³⁾ Polybii hist. VI, 9, 9.

номъ неизбежнаго вырожденія каждой формы правленія, какъ можно рассчитывать на продолжительность и устойчивость римскаго государства? ¹⁾

Отвѣтъ на это надо искать въ опредѣленіи Полибіемъ двойственности каждой формы правленія. Всякій государственный строй удовлетворяетъ общественному благу въ условіяхъ историческаго момента, но онъ носитъ въ себѣ зародыши собственнаго разложенія, и въ новыхъ условіяхъ оказывается непригоднымъ. Въ царской власти коренится возможность ея превращенія въ насильственное единовластіе: нравственная основа аристократіи разѣдается олигархическими инстинктами, а демократія склонна къ увлеченію социалистическими замыслами, ведущими къ господству насилія и кулачнаго права.

Съ другой стороны, противъ отрицательныхъ свойствъ cadaго государственнаго строя спасительнымъ средствомъ является введеніе другой системы правленія. Демократія спасаетъ общество отъ олигархическаго вырожденія аристократіи; социальное грабительство черни прекращается царской властью, и, въ свою очередь, когда монархъ становится тиранномъ, его смиряють лучшіе представители общества.

Этотъ кругооборотъ взаимодѣйствія правительственныхъ принциповъ можетъ привести къ тому, что когда данная форма государственнаго строя вырождается въ свою противоположность, новый строй не уничтожаетъ ее, а только устраняетъ вредныя и отрицательныя стороны. Въ историческомъ развитіи римскаго государства случилось такъ, что монархія была не уничтожена возмущившейся аристократіей, а только ограничена въ своихъ вредныхъ для общества проявленіяхъ. Такъ же не оказалось возможнымъ олигархическое государство, потому что демократія оказала знати необходимое противодѣйствіе, сама находя преграду для своего крайняго развитія въ уже существующей царской власти. Въ результатъ великихъ историческихъ столкновений и событій, безъ участія личной воли законодателей, подъ влияніемъ естественной эволюціи, выработался въ Римѣ лучшій государственный строй, который можетъ рассчитывать на значительную продолжительность существованія, если только какое-либо

¹⁾ Polybii hist. VI, 10, 14.

изъ трехъ основныхъ началъ не побѣдить и не превратить своего исключительнаго преобладанія въ общественное бѣдствіе.

Въ виду этого, настаивая на такомъ именно объясненіи теоріи Полибія, я не рѣшился бы сказать, что онъ возстановилъ старую теорію постоянныхъ повторныхъ цикловъ общественной эволюціи, безсмысленнаго кругообращенія народовъ въ тѣхъ же самыхъ формахъ государственнаго бытія, гдѣ конецъ соприкасается съ началомъ, какъ у змѣи, поѣдающей свой собственный хвостъ, по выраженію Гегеля. Едва-ли правильно допустить, что ученіе Полибія было частнымъ приложеніемъ къ общественнымъ явленіямъ старыхъ представленій о циклическомъ повтореніи міровыхъ процессовъ, тождественныхъ во всемъ отъ величайшихъ всеобщностей до мельчайшихъ фактовъ¹⁾. Полибій былъ далекъ отъ провозглашенія «этого космическаго безразличія, плетущаго свою ткань безъ начала и конца»²⁾.

Въ быстромъ пересмотрѣ греческихъ политическихъ ученій о формахъ государственнаго устройства логическій путь довелъ насъ до Полибія, и дальше намъ идти некуда. Здѣсь настоящій ковецъ эллинскаго мышленія о государствѣ, завершенный теоретически и политически.

Поэтому становится понятнымъ, что Макиавелли, возвращая государственное право къ его античнымъ источникамъ, положилъ въ основу своего ученія не Платона и Аристотеля, а Полибія. Флорентинскій мыслитель сознательно воспринималъ политическія идеи древности въ ихъ окончательной и наиболѣе полной формѣ.

Валентинъ Розицынъ.

1) *J. Bury. The ancient greek historians. 1909. P. 204.*

2) *Гомперцъ. Греческіе мыслители. I. Стр. 126. 1911.*